

DOI: 10.12731/2576-9782-2022-4-172-187

УДК 94(32)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТАРОЕГИПЕТСКОЙ ЧАСТНОЙ ГРОБНИЦЫ КАК ЗНАКОВАЯ СИСТЕМА

Ф.И. Куликов

В статье исследуется изобразительное пространство египетской гробницы времени Старого царства как система архитектурных и изобразительных компонентов. Используются сравнительно-исторический метод, а также методы формального и системного анализа материала из более ста вельможеских погребений. Показано, что главным назначением египетской гробницы является поддержание бытования Двойника ее хозяина, для чего особым образом формировалось архитектурно-изобразительное пространство. Выяснено, что большие изображения вельмож являются сложной комбинацией знаков-атрибутов, необходимых для установления нужной корреляции с расположенными рядом производственными сценами. Эти визуальные знаки (различные парики, жезлы, посохи, облачения и проч.) имеют свойство не только передавать информацию о соответствующем сюжете, но и замещать, репродуцировать его. Таким образом, в большом изображении вельможи аккумулируется основной материал размещенной перед ним сценой, такие изображения подразумевают нахождение рядом соответствующей сцены, а египетская гробница может рассматриваться изучаться с позиций семиотики.

Ключевые слова: египетская гробница; система; египетский рельеф; семиотика; культура Древнего Египта

THE DECORATIVE SPACE OF AN ANCIENT EGYPTIAN PRIVATE TOMB AS A SIGN SYSTEM

F.I. Kulikov

This paper examines the decorative space of the Egyptian tomb of the Old Kingdom as a system of architectural and pictorial components. The

comparative historical method was used along with the methods of formal and systematic analyses of material from more than a hundred noble burials. The article states that the main purpose of the Egyptian tomb is to maintain the existence of the Double of its owner, for which the architectural and visual space was formed in a special way. It was identified that the large images of nobles are a complex combination of attribute signs necessary to establish the desired correlation with the adjacent labor scenes. These visual signs (various wigs, wands, staves, vestments, etc.) tend not only to convey the information about the corresponding plot, but also to replace and reproduce it. Thus, in a large image of a nobleman, the main material of the scene placed in front of him is accumulated; such images imply the presence of the corresponding plots nearby, and the Egyptian tomb can be studied from the standpoint of semiotics.

Keywords: *Egyptian tomb; system; Egyptian relief; semiotics; ancient Egyptian culture*

Введение

Египетская вельможеская гробница Старого царства является не только культурным феноменом, но и основным нашим источником для изучения мировоззрения и социально-экономической истории жителей долины Нила. На стенах помещений ее суперструктуры, чаще всего в рельефе, представлены сюжеты из жизни вельможеского хозяйства – производственные и бытовые сцены, сцены доставки нужных хозяину вещей, сюжеты жреческой службы внутри погребения и за его пределами. Однако при изучении этого богатого материала необходимо учитывать, что его отбор, содержание и способы презентации существенно корректируются как назначением самого погребения, так и специфическими представлениями египтян о механизмах его функционирования. Это обстоятельство побуждает отказаться от простого комментирования изображенного и акцентировать внимание на выявление и объяснение устойчивой взаимозависимости компонентов системы погребения, способной пролить свет на особенности древнеегипетского менталитета и дать ключ к адекватному пониманию содержания настенной изобразительности.

Новизна работы обусловлена спецификой современной египтологии – дисциплины филологической, предусматривающей преимущественное изучение текстового материала. В связи с этим принципы построения настенных изображений довольно редко оказываются в зоне внимания отечественных и зарубежных египтологов, а работы, где изобразительная составляющая староегипетских гробниц рассматривается и изучается с позиций семиотики, как знаковая система, нам вовсе не известны.

Объектом исследования является египетская частная гробница Старого царства как многоуровневая система архитектурных и изобразительных компонентов. От этого периода до нас дошло более сотни погребений, несколько десятков из которых сохранили объемный изобразительный материал.

В отечественной и зарубежной историографии найдется не много работ на эту тематику. Прежде всего, необходимо отметить статью Андрея Олеговича Большакова [2, с. 97-103], выделившего восемь иерархически упорядоченных уровней организации структурных элементов гробницы – начиная с содержания отдельной сцены и завершая положением погребения в некрополе. В другой его работе [13] раскрывается механизм использования египетским мастером принципа намёка в оформлении ложной двери часовни, благодаря чему создавалась визуальная модель трапезы Двойника вельможи за жертвенным столиком.

Цветовые и графические решения в оформлении росписей египетских гробниц и папирусных виньеток рассмотрены в работах М.А. Чегодаева [11] и Хенка Мильда [16]. Больше внимание в отечественной историографии уделено сходству и различиям между египетским изображением и текстом, их функциональности и тому, как они воспринимались древними египтянами [1, с. 3-20; 4; 10, с. 147-158]. Интересным представляется мнение об использовании врезанных и выпуклых знаков рельефа для создания специфического диалога между мирами, расположенными по обе стороны плоскости, эти миры разъединяющей.

Среди работ зарубежных египтологов можно отметить труд У. Смита [17] по истории египетской изобразительности – скульптуре

и настенным рельефам, а также П. Джанози [14] о структуре и значении архитектурных компонентов египетской гробницы. Зарубежные и отечественные египтологи обсуждают методологию и интерпретацию древнеегипетской росписи гробниц, ее связь с погребальной практикой и с повседневной жизнью. Однако публикации, в которых египетская гробница рассматривается как многоуровневая знаковая система, нам не известны.

Целью данного исследования является выявление в изобразительном пространстве частных гробниц Старого царства отдельных элементов знаковой системы и общих принципов их функционирования. Для достижения поставленной цели необходимо дать общее представление о назначении египетской гробницы и о структуре архитектурно-изобразительного пространства, рассмотреть корреляцию компонентов системы на уровне «изображение хозяина – сцена», а также специфику и значение атрибутов для формирования мира Двойника.

Материалы и методы

В работах по данной теме были использованы научные публикации о ста двадцати египетских гробниц из Гизы и Саккары времени Старого царства. Главным и наиболее эффективным методом исследования в нашем случае является системный анализ, подразумевающий взгляд на исследуемый объект – староегипетскую частную гробницу, – как на совокупность взаимосвязанных между собой компонентов разного уровня. Путем проведения формального анализа выявлены закономерности в локализации отдельных изображений, сюжетов и сцен в пространстве суперструктуры. Использование контент-анализа позволило систематизировать и классифицировать собранный материал, выявить устойчивую корреляцию компонентов системы и определить, как она изменялась на протяжении времени. Работа с сотнями изображений из более сотни частных гробниц Старого царства значительно облегчается особенностью изобразительного материала: иконография многочисленных фигур хозяина, его домочадцев и челядинцев, а также содержание

многих сцен многократно повторяются с небольшими вариациями в разных погребениях и довольно легко и надежно объединяются исследователями в обозримое число групп. Более того, при близком рассмотрении оказывается, что и сами изображения – хозяина и работников, – представляют собой различные комбинации немногих атрибутов, а сцены – комбинацию обозримого числа сюжетов. Понимание этого обстоятельства дает возможность воспринимать атрибуты и сюжеты знаками, изобразительное пространство гробницы – знаковой системой и позволяет подойти к исследованию староегипетской гробницы с позиций семиотики.

Результаты исследования

Египетская вельможеская гробница представляет собой сложную систему архитектурных и изобразительных компонентов, главной задачей которой является обеспечение вечным бытием одной из существей ее хозяина – Двойника [3]. Выяснено, что в представлении египтянина его Двойник (Ка) появлялся вместе с его рождением, сопровождал его при жизни, а после смерти не умирал, а продолжал существовать в неявной форме, оформляясь в воспоминаниях близких и знакомых. Поскольку Двойник египтянина возникал вместе с его рождением, служба в погребении начиналась еще при жизни его хозяина – сразу по завершению строительства, доставки статуй, и после заключения соответствующего договора с жрецами. Теоретически вечного существования Ка предполагали достичь путем его ритуального кормления через ложную дверь, а также изображая на стенах суперструктуры сцены трапезы хозяина, производства, переработки и доставки продуктов, изготовления и доставки необходимого для жреческой службы инструментария. При этом рельефы жреческой службы как правило дополнялись реальной службой жрецов на входе и в помещениях наземной части погребения.

Стремление как можно полно показать службу, производство и доставку продуктов и вещей, привело к появлению со времени правления царей V династии частных гробниц со сложноорганизованной суперструктурой, включавшей, иной раз, около десяти и

более камер, колонных залов, коридоров, сердабов и часовен. Гораздо менее состоятельные египтяне вынужденно обходились одной ложной дверью со сценой трапезы хозяина за одноногим столиком с хлебами, пивом и прочей снедью, что, впрочем, уже само по себе обеспечивало их Двойника минимальным набором продуктов. Замечено, что десятки сцен и сотни фигур хозяина, его родственников, работников и челядинцев размещались художником не хаотично в свободные для этого места, а сообразно определённым правилам, благодаря которым в суперструктуре погребения создавалось необходимое изобразительное пространство, в контексте которого отдельные фигуры и сцены только и могли выполнять свои функции. Центром этого изобразительного пространства является, безусловно, ложная дверь – высеченная в стене часовни, или нарисованная, или выложенная из отдельных блоков модель настоящей двери, с косяками и притолокой. Ложная дверь была своеобразной контактной зоной для жрецов, возлагающих продукты на жертвенник у ее основания, и Двойника, выходящего из ложной двери для кормления. Уносить с собой продукты Двойнику не было нужды, поскольку жертвенник воспринимался египтянами крышкой одноногого столика, за которым Двойник и трапезничал [13]. Как это выглядело – мы можем видеть в очень распространенной сцене трапезы, очень часто высекаемой здесь же, над притолокой ложной двери. Судя по локализации изображений жрецов херихебов, жреческая служба проводилась также на входе в суперструктуру и в отдельные помещения, а также между колоннами и перед сердабом. То, что она продолжалась совершаться достаточно длительное время после заключения договора с местным храмом, свидетельствуют внушительные груды слепленной наскоро ритуальной одноразовой посуды, оставляемой жрецами по окончании службы у входа многих гробниц Старого царства [9, с. 166].

Архитектура суперструктуры гробницы позволила египетским мастерам создавать пространственную модель идеального вельможеского хозяйства. В наибольшем удалении от ложной двери – на стенах с входом в систему помещений, располагали, чаще всего,

сцены сельскохозяйственных работ в Нижнем и Верхнем Египте. Там же изображали хозяина погребения с домочадцами, смотрящего за работами, путешествующего в паланкине, охотящегося на птицу, или бьющего острой рыбу с тростниковой лодки.

Подальше от входа и ближе к ложной двери размещали сюжеты работ в ремесленных мастерских, и в жизни находившихся ближе к жилью. Даже беглого взгляда на ремесленные сцены достаточно, чтобы понять: ремесленники производят предметы, нужные для погребения и жреческой службы – скульптуры хозяина, наосы для их доставки, саркофаги, полотно, ожерелья, сосуды, курильницы и прочее, без которых работа жрецов невозможна. Южная стена часовни, непосредственно примыкающая к западной стене с ложной дверью, чаще всего отводится для сцен подготовки службы, или самой службы, которые наяву совершались непосредственно возле гробницы. Чаще всего на юге вырезались сцены заклания жертвенных животных с отсечением ноги для ее возложения на жертвенник, сцены танцев и игры на музыкальных инструментах возле приготовленных для этого же продуктов, вручения сидящему хозяину лотоса и прочее. На западной стене с одной или несколькими ложными дверями и на ложных дверях показаны действия, которые чаще всего совершаются в самой часовне, на этом самом месте: доставка полос материи, птицы и продуктов на жертвенник, курение ладана и другое. Эти и другие сцены производственного характера объединяются в общую композицию изображениями подгона животных и доставки продуктов, птицы, вещей челядинцами, пастухами, а также юношами и девушками «селений». Рельефы со сценами доставки чаще всего вырезаются на косяках прохода из одной камеры в другую, на стене непосредственно перед проходом, или на северной стене часовни, примыкающей к стене с ложной дверью.

Производственные сцены и сцены доставки в обязательном порядке дополняются большими фигурами хозяина погребения, который часто показывается в компании супруги и малолетних детей. Изображенный вельможа занимается «смотрением» на размещенные рядом сюжеты, на что однозначно указывает надпись рядом с

ним. Замечено, что между иконографией большого изображения хозяина и содержанием сцены перед ним существует довольно устойчивая корреляция, позволяющая говорить о наличии в этом случае системы определенного уровня [5, с. 87-102]. Выяснено, что перед сюжетами работ в болотистом Низовье, вельможа, как правило, изображается в длинном опоясании с выпущенной вперед лопастью (на рельефе она показана выпирающим вперед углом), в длинном парике, с посохом и со свернутым платком в руках, в сандалиях. Тот же вельможа, но смотрящий на работы ремесленников, предпочитает более короткий парик, другое опоясание и жезл вместо платка. В сценах подгона животных он держит платок, а в сценах доставки предметов и продуктов – жезл.

Вряд ли стоит сомневаться, что различия в атрибутивном наборе изображенного вельможи отражают реальную прижизненную ситуацию, когда он, спешащий с инспекцией работы пастухов или ремесленников, должен был иметь соответствующие случаю облачение и инсигнии. И действительно, посох, сандалии и платок были весьма кстати в болотах или на пашне, а жезл, применявшийся в жреческой службе – в ремесленной мастерской, где предметы для такой службы и изготовлялись. Не исключено, что манипулируя в мастерской принесенным жезлом, хозяин-жрец наделял сосуды для возлияния, курильницы, ткани для бальзамирования, саркофаги и наосы необходимыми для погребения и службы свойствами. Однако предположение об исключительно утилитарном назначении всех этих предметов и элементов одежды не покажется нам убедительным, если мы обратим внимание, как меняется атрибутивный набор вельможи перед сценами, состоящими из сюжетов абсолютно разных по содержанию. Очень часто художник, работая в относительно небольших гробницах, вынужден был совмещать на одной стене, в одной сцене и даже в одном ярусе изображения и работ на открытом воздухе – на пашне, либо в болотистом Низовье, и работ в ремесленной мастерской. В этом случае при конструировании большого изображения хозяина ему приходилось прибегать к комбинированию его атрибутов, «отвечающих» за соответствующие сю-

жеты. В итоге получалась фикция, в реальной жизни, по-видимому, невозможная, но совершенно необходимая для функционирования искусственного мира Двойника.

Приведем несколько характерных примеров. На западной стене гробницы Каи [15, pl. 14, 15] хозяин показан не только с лентой херихеба, но и с совершенно неподходящими для жреца атрибутами – с платком в руках и в сандалиях. Наличие последних объясняется большой сценой пригона скота на северной стене, ориентированной на самого Каи, поскольку именно так – в сандалиях и с посохом, хозяин гробницы часто изображался наблюдающим за работами на открытом воздухе и за масштабными доставками. Путем расширения набора атрибутов изображение Каи получило возможность не только жречествовать у ложной двери, но и заниматься «смотрением» на размещенную перед ним сцену доставки [8, с. 53-61].

В гробнице Меху [12, taf. 6-8], ближе к входу, хозяин изображен плывущим в нижеегипетских заводях в папирусной лодке. Но в руках его не обычные в таких случаях острога или метательная палка, а совершенно ненужные, казалось бы, посох и жезл. Проблема легко разрешится, если обратить внимание на противоположную стену, где изображена работа птицеловов и доставка пойманной птицы, сосудов и продуктов в котомках. Поскольку на этой небольшой стене невозможно было разместить еще одну фигуру Меху, Меху в лодке снабдили нужными атрибутами, после чего он получил возможность и путешествовать в болотистых заводях Низовья, и обеспечивать «смотрением» доставку [7, с. 56-67]. Мы видим, как египетский художник, оперируя относительно небольшим и однотипным набором сюжетов, форм и атрибутов, комбинирует их в некую искусственную знаковую систему.

Использование таких атрибутов-знаков хорошо видно и в сценах регулярной жреческой службы. Оформлявший гробницу художник не изображал всех участников жреческой череды и все действия жрецов (это была бы очень трудоемкая, затратная да, в общем-то, ненужная работа), а наделял две-четыре фигуры необходимыми обобщающими знаками, замещающими важные этапы службы –

разными сосудами, кадилницей, подходящим париком, бородой, льняной лентой, свитком и венником. В результате такой комбинации одно изображение воспроизводило исполняемость нескольких действий, совершаемых в реальной службе двумя-тремя жрецами или одним жрецом, но на разных этапах [6, с. 102-118].

В сценах плавания вельможи в тростниковой лодке художник, бывало, совмещал нужную позу (тоже маркер определенного действия) с непривычными для этой позы предметами в руках. К примеру, в поднятой для броска руке мог неожиданно показать не острогу, а стебель папируса, либо вместо папируса, удерживаемого в левой руке, изобразить посох. Либо изобразить хозяина с острой, но принимающего из рук услужливого челядинца метательную палку. Либо в состав группы сопровождения путешествующего в паланкине вельможи включить еще одного, с жезлом в руках. Случалось, что в одном предмете, казалось бы неряшливо изображенном, обнаруживается облик сразу двух предметов – птицы и лотоса, платка и жезла.

Анализ рельефов жреческой службы у жертвенника показывает, что в одном случае художник изображал реальный предмет культа (камень), в другом – его иное визуальное проявление в мире Ка (стол на цилиндрической ножке), в третьем стремился вообще избежать каких либо изображений и обойтись лишь намеком на их присутствие в сцене. Вероятно, египетский мастер имел в своем арсенале большое разнообразие вариантов, большую часть которых мы не видим и не в состоянии понять. Исследовательская проблема усугубляется широким использованием принципа намека. Пресловутые «цилиндры фараона» в руках каменных изваяний являются, скорее всего, знаками – заменителями посоха, жезла и, возможно, платка. Изобразить их в привычном для нас виде было нельзя, поскольку египетская каменная статуя создавалась с расчетом на вечность, а выставленные вперед рука, жезл и посох были бы скоро отбиты. Примечательно, что на деревянных аналогах инсигнии статуса царя или частного лица показываются в полном варианте. Более того, производственно-бытовые сцены на стенах погребения также могут считаться визуальными знаками, фиксирующими свершаемость

нужных для Двойника событий – вспашку поля, сбор урожая, изготовление статуи, подгон скота, доставку продуктов. Поводом для такого предположения является и ограниченный перечень сюжетов (реальная жизнь вельможеского хозяйства была гораздо разнообразнее), и поразительно устойчивая иконография с редкими свидетельствами так называемого творческого подхода мастера. По своей сути набор сюжетов в сцене не сильно отличается от иероглифического текста, также являющегося знаковой системой и также допускающего некоторые вариации в компоновке иероглифов.

Одно из свойств знаков в знаковой системе – их обобщенность, способность замещать класс объектов. Изображение хозяина гробницы в облике херихеба – самого главного в жреческой череде, заменяло, по всей видимости, всю сцену жреческой службы. На это указывает локализация этих изображений преимущественно на входе, в проходах из одного помещения в другое, между колоннами, у сердаба, перед ложной дверью и на ложной двери. То есть там, где, скорее всего, служба и проходила. Доказательством служат и случаи взаимозаменяемости изображений хозяина-херихеба и работы жреческой череды: когда в начале V династии развернутые сцены жреческой службы исчезли с косяков входа в суперструктуру, им на смену в некоторых гробницах пришли большие изображения хозяина с лентой поперек груди. По всей видимости, фигура хозяина, снабженная нужным набором знаков-атрибутов, способна не только коррелировать с набором соответствующих знаков-сюжетов, но и вовсе обходиться без них. А значит одинокое изображение хозяина, к примеру, с посохом в левой руке и с платком – в правой, в длинном парике и в трапецивидном опоясании, вырезанное мастером на косяке входа в суперструктуру, подразумевает наличие здесь же большой сцены подгона скота Низовья, а может и самого стада. А значит, что изображение хозяина, снабженное титулом, способно репродуцировать и сцену, соответствующую заявленной должности. «Развернув» видимое нами оформление староегипетской вельможеской гробницы, мы получим новое изобразительное пространство, сильно дополненное новыми сюжетами и смыслами.

Выводы

1. Египетская гробница Старого царства является и многоуровневой сложной системой изобразительных и архитектурных компонентов, предназначенной для поддержания бытования Двойника после смерти ее хозяина.

2. Производственно-бытовые сцены в изобразительном пространстве гробницы могут считаться визуальными знаками, фиксирующими свершаемость нужных для Двойника событий.

3. Большое изображение вельможи в системе староегипетской частной гробницы является сложным конструктом, комбинацией различных визуальных знаков-атрибутов, необходимых для установления нужной корреляции с содержанием размещенных перед ним ярусами сюжетов (система уровня «хозяин-сцена»).

4. Вероятно, что визуальные знаки – парики, опоясания, жезлы и посохи разной формы и размера, браслеты, подвязные бороды и сандалии, шкура леопарда и льняная лента, кадильница, умывальный набор и веник для обряда стирания следов, титулы хозяина и многое другое, – имеют свойство не только передавать информацию, но и замещать соответствующий класс объектов.

5. Изобразительное пространство египетской частной гробницы Старого царства может рассматриваться и изучаться с позиций семиотики как знаковая система. Мы относим эти знаки к конвенциональным, условным, то есть введенным намеренно для передачи определенной информации, и понятным всем современникам. Сами же египтяне, вероятно, воспринимали их очень органично, возникшими естественным путем, и существовавшими изначально.

Заключение комитета по этике. Неприменимо.

Информированное согласие. Неприменимо.

Список литературы

1. Большаков А.О. Изображение и текст: два языка египетской культуры // Вестник древней истории. 2003, № 4 (247). С. 3-20.
2. Большаков А.О. Староегипетская гробница как комплекс // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока.

- ка: XVIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР: Доклады и сообщения 1983-1985. Часть 1. М.: Наука, 1985. С. 97-103.
3. Большаков А.О. Человек и его Двойник: Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб.: Алетейя, 2001. 285 с.
  4. Большаков А.О., Суцневский А.Г. Образ и письменность в восприятии древнего египтянина // Вестник древней истории. 2003. № 1 (244). С. 45-60.
  5. Куликов Ф.И. Жезл и платок как корреляты в системе староегипетской частной гробницы уровня «хозяин-сцена» // Петербургские египтологические чтения 2011-2012. Труды Государственного Эрмитажа. LXVI. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2013. С. 87-102.
  6. Куликов Ф.И. Изображение жреческой службы в часовне староегипетских частных гробниц: некоторые принципы построения сюжета // Вестник древней истории. 2012. № 2. С. 102-118.
  7. Куликов Ф.И. Иконография вельмож в тростниковой лодке. К вопросу о совмещении форм в староегипетской изобразительности // Петербургские египтологические чтения 2006. Труды Государственного Эрмитажа. XXXV. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. С. 56-67.
  8. Куликов Ф. И. Размещение изображений вельмож-херихебов в староегипетских гробницах // Вестник древней истории, 2011. № 1 (276). С. 53-61.
  9. Малых С.Е. Вотивная керамика Египта эпохи Древнего царства. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 310 с.
  10. Чегодаев М.А. Линейная иероглифика и ее место в древнеегипетской культуре // Петербургские египтологические чтения 2006. Труды Государственного Эрмитажа. XXXV. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2007. С. 147-158.
  11. Чегодаев М.А. Папирусная графика Древнего Египта. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
  12. Altenmüller H. Die Wanddarstellungen im Grab des Mehu in Saqqara. Mainz, 1995. 287 p.
  13. Bolshakov A.O. Hinting as a Method of Old Kingdom Tomb Decoration // Göttinger Miscellen. Beitrage zur ägyptologischen Diskussion. Gottingen, 1994. P. 9-35.

14. Janosi P. Structure and Significance : Thoughts on Ancient Egyptian Architecture. Wien, 2005. 476 p.
15. Junker H. Giza III. Die Mastabas der vorgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof. Wien-Leipzig, 1938. 256 p.
16. Milde H. The Vignettes in the Book of the Dead of Neferrenpet. Leiden, 1991. 279 p.
17. Smith W.S. A history of Egyptian sculpture and Painting in the Old Kingdom. London, 1949. 422 p.

References

1. Bol'shakov A.O. Image and Text: Two Languages of the Egyptian Culture. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 2003, no. 4 (247), pp. 3-20.
2. Bol'shakov A.O. The Old Egyptian Tomb as a Complex Entity. *Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka: XVIII godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR: Doklady i soobshcheniya 1983-1985. CHast' I*. [Written Monuments and Problems of the Culture History of the Peoples of the East: 18th Annual Scientific Session of the Leningrad Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR: Reports and Presentations 1983-1985. Part 1]. Moscow, 1985, pp. 97-103.
3. Bol'shakov A.O. *CHelovek i ego Dvojniki: Izobrazitel'nost' i mirovozzrenie v Egipte Starogo carstva* [Man and His Double: Figurativeness and Worldview in Egypt of the Old Kingdom]. Saint-Petersburg: Aletejya, 2001, 285 p.
4. Bol'shakov A.O., Sushchevskij A.G. Image and Writing in the Perception of the Ancient Egyptian. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 2003, no. 1 (244), pp. 45-60.
5. Kulikov F.I. Wand and Handkerchief as Correlates in the System of the old Egyptian Private Tomb of the "Master-Stage" Level. *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2011-2012. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. LXVI* [Petersburg Egyptological Readings 2011-2012. Proceedings of the State Hermitage. LXVI]. Saint-Petersburg: State Hermitage, 2013, pp. 87-102.

6. Kulikov F.I. Priest Service as Depicted in Chapels of Old Egyptian Private Tombs: Some Principles of Composition. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 2012, no. 2, pp.102-118.
7. Kulikov F.I. Iconography of Nobles in a Reed Boat. Revisiting the Combination of Forms in Ancient Egyptian Pictorial Art. *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2006. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. XXXV* [Petersburg Egyptological Readings 2006. Proceedings of the State Hermitage. XXXV]. Saint-Petersburg: State Hermitage, 2007, pp. 56-67.
8. Kulikov F. I. The Arrangement of the Images of Tomb Owners as lector-priests in Old Kingdom Tombs. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 2011, no. 1 (276), pp. 53-61.
9. Malyh S.E. *Votivnaya keramika Egipta epohi Drevnego carstva* [Votive Ceramics of Egypt from the Era of the Old Kingdom]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 2010, 310 p.
10. Chegodaev M.A. Linear Hieroglyphics and Its Place in the Ancient Egyptian Culture. *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2006. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. XXXV*. [Petersburg Egyptological Readings 2006. Proceedings of the State Hermitage. XXXV]. Saint-Petersburg: State Hermitage, 2007, pp. 147-158.
11. Chegodaev M.A. *Papyrusnaya grafika Drevnego Egipta* [Papyrus Graphics of Ancient Egypt]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 208 p.
12. Altenmüller H. Die Wanddarstellungen im Grab des Mehu in Saqqara. Mainz, 1995, 287 p.
13. Bolshakov A.O. Hinting as a Method of Old Kingdom Tomb Decoration. *Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion*. Göttingen, 1994, pp. 9-35.
14. Janosi P. Structure and Significance : Thoughts on Ancient Egyptian Architecture. Wien, 2005, 476 p.
15. Junker H. Giza III. Die Mastabas der vorgeschrittenen V. Dynastie auf dem Westfriedhof. Wien-Leipzig, 1938, 256 p.
16. Milde H. The Vignettes in the Book of the Dead of Neferrenpet. Leiden, 1991, 279 p.
17. Smith W.S. A history of Egyptian sculpture and Painting in the Old Kingdom. London, 1949, 422 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Куликов Фёдор Иванович, кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и археологии
Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленина, 1, Горно-Алтайск, Республика Алтай, 649000, Рос-
сийская Федерация
fedkulikov@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fedor I. Kulikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Profes-
sor, Department of History and Archeology
Gorno-Altai State University
1, Lenin Str., Gorno-Altaysk, Republic of Altai, 649000, Russian
Federation
fedkulikov@yandex.ru

Поступила 06.12.2022

После рецензирования 10.12.2022

Принята 20.12.2022

Received 06.12.2022

Revised 10.12.2022

Accepted 20.12.2022